

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков¹

НОРМЫ КУЛЬТУРЫ И ПРАВА: МЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ КОНФЛИКТА

Правовой обычай — явление, мало изученное в современном отечественном обществознании. Признавая обычай одним из своих источников, российская правовая система ставит его в конец иерархии «закон — иные нормативные акты — нормативный договор — обычай». Вместе с тем в последние 10–20 лет интерес к правовым обычаям несколько вырос. Появились исследования междисциплинарного характера, объектом которых являются правовые отношения в контексте национально-культурного «ландшафта». Их обозначают как юридическую антропологию², или нормативную этнографию.

В самом общем виде «обычаем называется правило поведения, сложившееся вследствие фактического

его применения в течение какого-либо продолжительного времени»³. Соответственно, правовым является обычай, признанный государством. Это подразумевает ряд условий: длительное непрерывное следование определенному образцу поведения в обществе или социальной группе; определенность обычая, то есть возможность точного установления его содержания; признание юридического значения обычая со стороны государства. Заметим, что, в отличие от прецедента, источником которого всегда является правоприменение, правовой обычай может иметь свое начало в правотворческой или иной внесудебной процедуре (деловой и торговый оборот, деятельность арбитража, традиции крестьянской общины и пр.); сообразность обычая нормам действующей морали, его разумность, то есть его добровольное признание большинством общества.

Как было сказано, правовой обычай не слишком часто применяется в системе российского права. Вместе с тем, если подойти к определению и функциональному анализу правового обычая с более широких позиций, нежели позитивно-правовое видение, можно оценить его роль по-другому. Примером является социокультурный подход, в соответствии с которым обще-

¹ Главный редактор издательства «Наука и культура» (издательский дом «Панорама»), кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости» (в соавт.), «Патриотизм и интернационализм: к вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов в международном левом движении» (в соавт.), «Модернизации России — социальное измерение» (в соавт.), «Справедливость как высший закон? Социогуманитарно-экономические этюды из истории культуры России», «Диалог культур прошлого и будущего: „экономический век“ и „общинный социализм“» и др.

² См., например: Тишков В. А. Антропология права — начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М. : Стратегия, 2000. С. 7–14.

³ Правоведение : учебник для вузов / под ред. С. Н. Бабурина. М. : Норма, 2003. С. 14.

ственное явление рассматривается как часть культуры конкретного общества. Это относится и к культурным институтам, в число которых мы включаем правовые обычаи.

Какие обычаи мы можем выделить в отечественной правовой культуре, используя социокультурный подход? Исходя из упомянутых признаков правового обычая, мы предлагаем считать таковыми «отложенную демократию», или «царизм». Эти понятия не являются полностью тождественными, так как, строго говоря, обозначают разные явления. Если первое подразумевает практическое бездействие некоторых демократических институтов, то второе определяется как фактический полный синоним российской монархии послепетровского периода. Тем не менее в контексте данного исследования мы склонны использовать их как тождественные, то есть выражающие равенство нескольких предметов. Анализ содержания этих двух понятий показывает, что они отвечают признакам правового обычая: *длительно и непрерывно существуют в обществе; содержание «отложенной демократии»; признание юридического значения «отложенной демократии» со стороны государства налицо; сообразность «отложенной демократии» нормам действующей морали, ее разумность, то есть ее добровольное признание большинством общества.*

Проблема отрыва правовой нормы от социальной действительности не нова, о ней писали многие ученые-обществоведы, включая классиков отечественной теории права (Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев и др.). На наш взгляд, источником отчуждения права от культуры (и нравственности) может быть явление *раздельного мышления*, или «двоемыслия» (Дж. Оруэлл). В мировой психологии термин «раздельное мышление» обозначает механизм психологической защиты, проявляющийся в том, что противоречия между какими-то мыслями, идеями, отношениями или формами поведения упорно не осознаются субъектом социального действия. Раздельное мышление — это защитный механизм, позволяющий человеку уместить в себе логически несовместимые установки. Двоемыслие — это «совмещение и „принудительное единство“ диаметрально противоположных мнений; забвение или „выворачивание наизнанку“ определенных глав истории, если того требует политическая целесообразность, насаждаемая властями; „черное есть белое“» (Е. Я. Бурлина).

Отдавая должное сложившейся трактовке оруэлловского произведения, мы склонны рассматривать явление двоемыслия в более широком историческом диапазоне. Здесь могут оказаться полезными помимо собственно исторических исследований художественные произведения и философские труды. Так, Ж. Г. Смирнова склонна считать причиной двойственности (ам-

бивалентности) русского национального характера географию и климат: «...на любом этапе своего становления и исторического развития русская культура как бы дwoится, представляя одновременно два отличных друг от друга лица. Европейское и азиатское, оседлое и кочевое, христианское и языческое, светское и духовное, официальное и оппозиционное, коллективное и индивидуальное — эти и подобные пары противоположностей свойственны русской культуре с древнейших времен и сохраняются фактически до настоящего времени. Двоеверие, двоемыслие, двоевластие, раскол — это лишь немногие из значимых для понимания истории русской культуры понятий, выявляемых уже на стадии древнерусской культуры»¹.

Со своей стороны Ю. А. Левада выдвинул концепцию «человека лукавого», то есть способного всю жизнь придерживаться двойных стандартов в морали. Данный психологический тип принимает черты архетипа отечественной культуры, ее вневременного, глубинного первообраза². Этот тип поведения характерен для всех слоев общества, высших и низших. Его источником является постоянное перенапряжение сил при фактической ясности бесполезности этого перенапряжения. Принципиальная невыполнимость предъявляемых к человеку требований приводит к релятивизму и фактической девальвации ценностных систем — сосуществованию большой и малой правды, перспективных и сиюминутных интересов и пр. Вековая традиция лжи и лицемерия выразилась в архетипе «лукавого человека», потому что иному типу выжить в этой действительности практически невозможно. «Лукавое стремление обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных) может быть обнаружено у людей всех времен и народов»³. Это подтверждает предположение, что склонность нашего общественного сознания к двоемыслию имеет довольно давние источники, не ограничивающиеся историей XX века, поэтому упомянутый тезис Е. Я. Бурлиной о сугубо советской природе явления двоемыслия видится по меньшей мере тенденциозным.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза об «отложенной демократии» («царизме») как отечественном правовом обычае получает веское социально-психологическое обоснование. Насколько он укоренен и будет ли иметь место в будущем? Очевидно, да, если государство не озаботится введением четких и разумных правил игры, начиная с самого высокого уровня — конституционно закрепленной официальной *государственной идеологии*. Тем более что возможность отдельных преобразований, в частности внесения изменений в текст действующей Конституции, признается на достаточно высоком уровне⁴.

¹ Смирнова Ж. Г. Влияние географического положения и климатических особенностей на национальный характер русских // Вестник славянских культур. 2008. № 3–4. С. 137.

² Левада Ю. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. Янв.-февр. № 1 (45). С. 19.

³ Там же.

⁴ См.: Зорькин В. Буква и дух конституции // Российская газета. Федерал. вып. 2018. 9 окт. № 7689 (226).